

HISTORY OF THE EAST

Universal History

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Всеобщая история

Научная статья

УДК 94+930

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-1-53-67>

Исторические науки

Кочевые тюркские племена Мангышлака в конце XI — первой половине XII в.: по сведениям мусульманской историографии домонгольского периода

Дмитрий Михайлович Тимохин

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,

horezm83@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9093-5269>

Аннотация. В годы правления в Хорезме 'Ала' ад-Дина Атсыза (1127 / 1128–1156 гг.) в состав его державы были включены Дженд и Мангышлак, что повлекло за собой карательную экспедицию в 1138 г. против этого правителя, которую возглавил сельджукский султан Санджар. Несмотря на победу последнего, хорезмшах не только сумел вернуться на престол, но удержать в своих руках все предшествующие завоевания, включая Дженд и Мангышлак. Как отмечал уже В. В. Бартольд, контроль над ними был важен для правителя Хорезма, прежде всего, в связи с их значимостью для кочевых тюркских племен восточного Дешт-и Кыпчака. Удерживая в своих руках Дженд и Мангышлак, 'Ала' ад-Дин Атсыз не только обезопасил северные границы Хорезма, но и мог контролировать торговлю с кочевниками и при необходимости принимать их на свою службу. При этом на территории Мангышлака в конце XI — начале XII в. уже проживали кочевые тюркские объединения, племенная принадлежность которых до сих пор остается предметом дискуссии. В рамках этой статьи автор попытается проанализировать имеющиеся противоречия на базе широкого круга памятников мусульманской историографии, но и сформулировать собственный ответ на вопрос о том, какие именно кочевые тюркские племена были связаны с Мангышлаком в годы его завоевания хорезмшахом 'Ала' ад-Дином Атсызом. Также будет рассмотрена эволюция тюркского топонима «Мангышлак» в мусульманских памятниках домонгольской эпохи, выделить возможные варианты значения этого понятия и продемонстрируем его существование с более ранним персидским термином — «Сийах-Кух». Вопрос о том, насколько два этих термина были тождественны

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Тимохин Д. М., 2024

© Ориенталистика, 2024

друг другу с точки зрения средневековых историков и географов также является дискуссионным сюжетом, и мы постараемся предложить читателям собственный взгляд на эту проблему и возможное ее решение.

Ключевые слова: Мангышлак, Сийах-Кух, мусульманская историография, гузы, кочевые тюркские племена

Для цитирования: Тимохин Д. М. Кочевые тюркские племена Мангышлака в конце XI – первой половине XII в.: по сведениям мусульманской историографии домонгольского периода. *Ориенталистика*. 2024;7(1):53–67. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-1-53-67>.

Original article

History studies

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-1-53-67>

Nomadic Turkic tribes of Mangyshlak at the end of the XIth – first half of the XIIth centuries: according to the Muslim historiography of the pre-Mongol period

Dmitry M. Timokhin

*Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
horezm83@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9093-5269>*

Abstract. When Khwarazmshah ‘Ala’ ad-Din Atsiz (1105–1156) ruled in Khorezm (1127/1128–1156), Jand and Mangyshlak became included in his empire. The inclusion received a response, a punitive expedition (1138) of the Seljuk Sultan Sanjar against ‘Ala’ ad-Din Atsiz. Sultan Sanjar won, however, the Khwarazmshah managed to return the throne and, moreover, preserved all the territories he conquered previously, among them Jand and Mangyshlak. The Russian scholar Professor Vassily (Wilhelm) Barthold (1869–1930) wrote that the control over these territories was of great importance for the ruler of Khwarazm. This was because of their significance to the nomadic Turkic tribes who lived in the eastern Dasht-i Qipchak. By holding Jand and Mangyshlak in his hands, ‘Ala’ ad-Din Atsiz not only secured the northern borders of Khorezm against invasions but also continued to be in a position of controlling the trade connections with the nomads. During the same time, on the territory of Mangyshlak in the late 11th — early 12th cent., lived various nomadic Turkic associations, the tribal affiliation of which remains the subject of scholarly discussions. The present article offers an analysis of the existing scholarly views regarding the tribal affiliation of these nomadic groups. It also offers suggestions regarding the exact identification of which nomadic Turkic tribes were associated with Mangyshlak during the time it was conquered by Khorezmshah ‘Ala’ ad-Din Atsiz. The article also offers an interpretation of the evolution of the Turkic toponym “Mangyshlak” in Muslim sources from the pre-Mongol era. The author analyses the etymology of the

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

toponym Mangyshlak and demonstrates its coexistence with the earlier Persian toponym “Siyakh-Kuh”. Whether these two toponyms were used by Medieval historians and geographers to identify the same place, remains debatable. The author offers a new insight into this problem.

Keywords: Mangyshlak, Siyakh-Kuh, Muslim historiography, Guzz, nomadic Turkic tribes

For citation: Timokhin D. M. Nomadic Turkic tribes of Mangyshlak at the end of the XIth — first half of the XIIth centuries: according to the Muslim historiography of the pre-Mongol period. *Orientalistica*. 2024;7(1):53–67. (In Russ.). <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-1-53-67>.

Присутствие кочевых тюркских племен в пределах Мангышлака и их взаимодействие с соседними оседлыми регионами в XI — первой половине XII в. не является новой исследовательской проблематикой: в более ранних работах мы уже обращали внимание на историографию присутствия кочевых тюркских племен на Мангышлаке при анализе описания в мусульманских источниках завоеваний хорезмшаха ‘Ала’ ад-Дина Атсыза (1127/1128–1156 гг.), среди которых особое место занимает подчинение им Мангышлака и Дженда, в связи с чем не будем останавливаться здесь на этом специально [Тимохин, 2019, с. 134–142; Тимохин, 2022, с. 114–124]. Отметим лишь, что контроль над кочевыми тюркскими племенами в этих землях позволил правителю Хорезма существенно укрепить северные границы своей державы и усилить свое политическое и военное влияние в пределах восточного Дешт-и Кыпчака. Однако, несмотря на пристальное внимание исследователь, вопрос о том, какие именно кочевые тюркские племена проживали в пределах Мангышлака в конце XI — первой половине XII в. продолжает оставаться предметом дискуссии. Это обусловлено тем, что мусульманские географы и историки при описании кочевых тюркских племен Дешт-и Кыпчака зачастую приводят крайне противоречивые сведения, что существенно осложняет исследователям любые попытки реконструкции племенного состава в пределах указанного региона. В этом контексте кажется полезным попытаться проследить эволюцию нарратива в отношении конкретного региона и господствовавшего в нем племенного объединения в составе мусульманской историографии домонгольского периода. Это позволит не только решить определенные противоречия в вопросе о том, какое именно тюркское племенное объединение владело Мангышлаком в указанный исторический период, но и выделить важнейшие исторические события, в которых оно принимает участие в конце XI — первой половине XII в. вплоть до полного подчинения данного региона власти Хорезма. Несомненно, представленный ниже исследовательский опыт может быть также полезен и при реконструкции племенного состава восточного Дешт-и Кыпчака, что продолжает оставаться несмотря ни на что актуальной проблемой для российских и зарубежных ученых.

Прежде чем пытаться выстроить собственный ответ на вопрос, какие именно тюркские племена проживали в пределах интересующего нас регио-

на в конце XI — первой половине XII в., необходимо еще раз рассмотреть вопрос о возникновении топонима «Мангышлак» в мусульманской историографии домонгольского периода и о его значении. Так, уже В. В. Бартольд отмечал, что полуостров с названием «Мангышлак» начинает встречаться в мусульманской историографии сравнительно поздно: в ранних географических и исторических сочинениях данный регион назывался Сийах-Кух (Сиях-кух, *سيهه كوه*), а «в форме Мангышлак (Якутом огласовано Манкалшâг) название впервые появляется в документах VII / XII вв. и у Якута...» [Бартольд, 1965, с. 480]. В качестве примера, иллюстрирующего данную точку зрения, можно привести известное сочинение начала X в. «Китаб ал-А'лак ан-Нафиса» Ибн Русты, в котором встречается именно этот вариант топонима. «Джурджания ниже столицы в 24 фарсах: у Маздахкана, на восточном берегу, — селение, называющееся Харваз, ниже его другое селение и потом еще селение. Когда он минует это место, из него отходят налево протоки, а он идет к месту в 4 фарсах ниже Джурджании, называющемуся Варгада, там он проходит около Варгады и гор, называющихся Сиякух (*سيهه كوه*)¹, и спускается к селению Барабид. Ниже этого селения из него образуется много болот, которые называются Халиджан; там ловится рыба, которую вывозят из Хорезма в окрестные места, сам же течет к озеру, окружность которого около 80 фарсахов. На западном его берегу — горы, называемые Сиякух, на восточном — заросли переплетающихся между собой деревьев; через них почти невозможно пройти или проехать, кроме как по узкой и неровной дорожке, по которой ходят дикие кабаны, и (по дороге) к северному концу берега, по которой ездит царь населения, называемого Новое Селение» [*Материалы по истории туркмен...*, 1939, с. 150; *Bibliotheca geographorum Arabicorum*, 1870, s. 92]. Этот же топоним приводит для обозначения данного региона в «Китаб масалик ал-мамалик» Мухаммад ал-Истахри, который также маркирует его как Сийах-Кух (Сиях-кух, *سيهه كوه*) [*Материалы по истории туркмен...*, 1939, с. 169; *Bibliotheca geographorum Arabicorum*, 1927, s. 219], тоже самое делает и анонимный автор «Худуд ал-'Алам» [Hudud al-'Alam, 1970, p. 60, fol. 5b].

Вопрос о соотношении топонимов «Сийах-Кух» и «Мангышлак» постарался решить в своей классической работе С. Г. Агаджанов, который совершенно справедливо обозначил некоторые важные детали при сравнении двух этих понятий. «В исторической литературе ведутся споры о том, что понимать под названием Сияхкух. Ряд исследователей отождествляет Сияхкух с полуостровом Мангышлак. Это мнение, на наш взгляд, можно принять с некоторой поправкой. Географический атлас Истахри изображает Сияхкух в виде небольшого горного хребта на северном побережье Каспийского моря. Ибн Русте отмечает, что Сияхкухские горы лежат на западном побережье Хорезмского озера. Некоторые более поздние авторы локализируют Сияхкух на северном побережье Каспийского моря, но вместе с тем отмечают, что эти горы уклоняются с севера на запад. Судя по карте Истахри и свидетельству Ибн Русте, в X в. Сияхкухом называли не только каменистые полупустыни Мангышлака, но и обрывистые чинки Устюрта. Очевидно, старое название

¹ Так в издании арабского текста. — Д. Т.

«Черная гора» сохранилась в имени Мангышлакских Каратау» [Агаджанов, 1969, с. 78]. Со своей стороны, хотелось бы добавить, что авторы домонгольского периода используют топоним «Мангышлак» сравнительно «вольно», что существенно затрудняет не только соотнесение его с понятием «Сийах-Кух», но и интерпретацию в целом его значения. Так, например, одно из наиболее ранних упоминаний Мангышлака в «Диване лугат ат-турк» Махмуда ал-Кашгари выглядит следующим образом: «Ман-Кышлак — название местности в стране гузов» [*Материалы по истории туркмен...* 1939, с. 311]. В свою очередь, в сборнике документов и писем, который известен исследователям под названием «Маджму' а-йи муншаат-и 'ахд-и салджукийан ва хоразмшайиан ва аваил-и 'ахд-и могол», или «Инша» (см.: [*Collections scientifiques...*, 1886, p. 156]), приводится «фатх-наме» сельджукского султана Санджара после усмирения мятежного хорезмшаха 'Ала' ад-Дина Атсыза, в котором «Мангышлак» (منقشلاق) упоминается скорее как населенный пункт наравне с Джендом, нежели как географический регион [Бартольд, 1898, s. 44–45].

В свою очередь, более поздний Йакут ал-Хамави опять же в связи с рассказом о правлении хорезмшаха 'Ала' ад-Дина Атсыза сообщает о том, что «Манкашлаг (منقشلاغ) — неприступная крепость в конце пределов Хорезма...» [*Материалы по истории туркмен...*, 1939, с. 435]. Однако при этом нельзя забывать, что его более ранний современник, Мухаммад ибн Наджиб Бакран, в своем «Джахан-наме» использует «Мангышлак» (منقشلاق) уже не в значении топонима, а как этноним, что должно еще больше запутать исследователя с учетом наличия в его тексте более старого названия региона — Сийах-кух (سياه كوه) [Бакран, 1960, л. 17а]. Впрочем, к этому памятнику начала XIII в. мы позволим себе вернуться и более подробно разобраться с приводимыми в нем сведениями несколько позже. Также стоит отметить, что в составе еще одного мусульманского сочинения первой половины XIII в., «ал-Камил фи-т-тарих» Ибн ал-Асира, топоним «Мангышлак» упоминается уже в значении региона, а не крепости, и вновь при описании истории правителей Хорезма. На этот раз речь идет о более раннем хорезмшахе, Кутб ад-Дине Мухаммаде (1097–1127), который сумел отразить тюркское вторжение в пределы Хорезма, в результате чего «тюрки ушли в Мангышлак (منقشلاق)» [Ибн ал-Асир, 2006, с. 232; *Ibn-el-Athiri Chronicon*, 1864, s. 183]. Из всего сказанного можно сделать несколько интересных, пусть и промежуточных, выводов: во-первых, термин «Мангышлак», хоть и был включен в состав исторических и географических сочинений домонгольского периода начиная с XII в., не сумел полностью вытеснить более старый топоним «Сийах-кух». Во-вторых, поддерживая отчасти точку зрения С. Г. Агаджанова, можно сказать, что два этих понятия — «Мангышлак» и «Сийах-кух», — по-видимому, не были до конца тождественны друг другу в составе памятников интересующей нас эпохи. Приведенные нами выше примеры показывают, что домонгольские авторы употребляют термин «Мангышлак» и как топоним, обозначая регион и крепость «в конце пределов Хорезма», и как этноним. В связи с этим необходимо рассмотреть связь между «Мангышлаком» во всех этих значениях и кочевыми тюркскими племенами восточного Дешт-и Кыпчака, чтобы попытаться выяснить причину указанных противоречий

в составе исторических и географических сочинений мусульманской историографии домонгольского периода.

Применительно к событиям конца XI — первой половины XII в. мусульманские авторы упоминают тюркские племена Мангышлака крайне редко, и все приведенные ниже примеры будут так или иначе связаны с Хорезмом. Как уже было отмечено, Ибн ал-Асир в составе «ал-Камил фи-т-тарих» предлагает подробный рассказ о смуте в Хорезме в годы правления хорезмшаха Кутб ад-Дина Мухаммада. «Потом один из тюркских государей собрал войска и направился в Хорезм в то время, когда Мухаммад отсутствовал там. Тогрултегин Икинчи, отец которого раньше был хорезмшахом, находился у султана Санджара, бежал от него, присоединился к тюркам [и пошел с ними] на Хорезм. Когда хорезмшах Мухаммад услышал об этом, он поспешил в Хорезм и послал [людей] к Санджару, прося у него помощи. Санджар был в Нишапуре и вступил с войском к нему. Но Мухаммад не стал ожидать его, и когда он приблизился к Хорезму, тюрки ушли в Мангышлак, а Тогрултегин так же отправился [оттуда, уйдя] в Хандахан, и хорезмшах избавился от их злонамеренных действий» [Ибн ал-Асир, 2006, с. 232; *Ibn-el-Athiri Chronicon*, 1864, s. 183]. Исходя из этих сведений, сложно судить о том, пришли ли в данном случае кочевники в Хорезм из пределов Мангышлака или же, потерпев неудачу, вынуждены были бежать в его пределы, то есть, по Ибн ал-Асиру, нет очевидной связи между ними и этим регионом. К сожалению, о правлении Кутб ад-Дина Мухаммада нам известно немного, и круг источников о нем весьма ограничен. Кроме того, как автор уже отмечал ранее в специальном исследовании [Тимохин, 2022, с. 114–124], более поздние мусульманские авторы, упоминая его, зачастую предлагают сведения, которые относятся скорее к эпохе правления его сына — ‘Ала’ ад-Дина Атсыза [*Tabakāt-i-Nāṣirī*, 1881, vol. I, p. 234]. Именно последний из упомянутых нами правителей Хорезма не просто связан с Мангышлаком, но и фактически, как считают исследователи, является тем, кто завоевал и включил данный регион в состав своих владений [Буниятгов, 1986, с. 9].

Впрочем, в отношении этого события в мусульманской историографии домонгольской эпохи содержится достаточно много противоречивых сведений. В частности, упомянутый выше Ибн ал-Асир пишет о завоевании хорезмшахом ‘Ала’ ад-Дином Атсызом Мангышлака, как о событии, относящемся еще к эпохе правления его отца, Кутб ад-Дина Мухаммада, а сам этот топоним в данном случае обозначает крепость. «Когда хорезмшах умер, на его место вступил сын его Атсыз, который распространил тень безопасности и справедливости. При отце он командовал армией, отправлялся в страны врагов, вступил с ними в войну и овладел городом Мангышлаком» [Ибн ал-Асир, 2006, с. 233; *Ibn-el-Athiri Chronicon*, 1864, s. 183]. Подобная точка зрения арабского историка может быть скорректирована за счет сведений из некоторых более ранних текстов: в частности, в названном выше «фатх-наме» сельджукского султана Санджара завоевание «Мангышлака» (منقشلاغ) упоминается вместе с завоеванием Дженда (جند) как, очевидно, событие периода самостоятельного правления данного хорезмшаха [Бартольд, 1898, с. 44–45]. Исходя же из сведений анонимного персидского сочинения 1133 г. в составе

«Маджму' а-йи муншаат-и 'ахд-и салджукийан ва хоразмшахийан ва аваил-и 'ахд-и могол» («Инша»), поход на Дженд и Мангышлак мог произойти в промежутке между 1127 / 1128 и 1133 годами, а прямым его следствием стал поход сельджукского султана Санджара на Хорезм, чтобы наказать мятежно-го хорезмшаха, следствием чего и стало составление упомянутого «фатх-наме», датированного 1138 г. [Бартольд, 1963, с. 387–388].

Справедливости ради стоит отметить, что автор анонимного персидского сочинения 1133 г. указывает в тексте лишь Дженд в качестве топонима и не упоминает Мангышлак. «Хорезмшах с многочисленным войском [направился] в сторону границы с неверными, которые были многочисленны и знамениты, и, захватив Дженд, вглубь Туркестана [после этого] направился, пренебрегая опасностями [этого предприятия]. И с царем и предводителем, который среди неверных считался величайшим, [там] столкнулся, и Всевышний Господь, милостивый и щедрый, даровал ему победу [над ним] и сделал так, что те неверные потерпели поражение и обратились в бегство, и многие из них были убиты» [Бартольд, 1898, s. 37]. Впрочем, само приведенное выше описание позволяет интерпретировать завоевание хорезмшахом 'Ала' ад-Дином Атсызом Дженда и Мангышлака как единую кампанию, поскольку в этом тексте упоминается, помимо захвата самого Дженда, поход хорезмийского правителя к границам собственного государства, а также победа над «царем и предводителем неверных», которая случилась уже после захвата Дженда. Кроме того, в «фатх-наме» также упоминается захват Дженда и Мангышлака, как одно событие, вызвавшее гнев султана Санджара [Бартольд, 1898, s. 44–45].

В более поздних текстах, например у Йакута ал-Хамави в его «Му'джам ал-булдан», уже упоминается только завоевание этим хорезмшахом Мангышлака, под которым в данном случае понимается не регион, а крепость. «Манкашлаг (منقشلاغ) — неприступная крепость в конце пределов Хорезма, она (находится) между Хорезмом, Саксином и страной русов, около моря, в которое впадает Джейхун, а это море Табаристана. Сказал (стихи) Абул-Му'айяд ал-Муваффах ибн Ахмед ал-Мекки ал-Хорезми и написал их своему сыну ал-Му'айяду, в то время как тот уехал в Манкашлаг. [Дальше приведены стихи.] У него также стихи в прославление хорезмшаха Атсыза, который завоевал его (Манкашлаг): *Ты послал на страх Манкашлагу молнию из острий мечей, поражены ужасом его жители*» [Материалы по истории туркмен..., 1939, с. 435]. Таким образом, вполне справедливо замечание В. В. Бартольда в отношении завоеваний хорезмшаха 'Ала' ад-Дина Атсыза: «В первые годы своего царствования Атсыз оставался верным поданным Синджара и принимал участие в его походах, между прочим и в походе на Мавераннахр, но в то же время заботился об усилении своей власти посредством подчинения соседних кочевников. Для этой цели он занял местности, имеющие наибольшее значение в жизни кочевников, именно Дженд, т. е. низовья Сыр-Дарьи и полуостров Мангышлак» [Бартольд, 1963, с. 387–388]. Впрочем, эти походы хорезмшаха 'Ала' ад-Дина Атсыза были, по-видимому, не одинаково успешны, поскольку против Дженда потребовалось провести еще несколько военных кампаний, и, как мы показали в более раннем исследовании, постоянное при-

сутствие в качестве наместника старшего сына хорезмийского правителя [Тимохин, 2019, с. 134–142]. При этом угроза со стороны Мангышлака была, вероятно, ликвидирована окончательно, поскольку мусульманские историки и географы не упоминают более ни о походах правителей Хорезма в этом направлении, ни об угрозах со стороны тюркских племен, проживавших в этих землях. Необходимо лишь идентифицировать племенное объединение, связанное с Мангышлаком в конце XI — первой половине XII в. на основании данных мусульманских историков и географов.

Прежде всего, отметим, что по данному поводу высказал свою точку зрения уже В. В. Бартольд, указывающий на то, что господствовавшее там племенное объединение было связано с гуззами. «Мангышлак — гористый полуостров на восточном берегу Каспийского моря, впервые упоминается под персидским названием Сиях-кух («Черная гора»); то же самое название носила также возвышенность к западу от Аральского моря. По Истахри полуостров был якобы ранее необитаем; лишь незадолго до его времени (или времени его предшественника, Балхи) тюрки, поссоровившиеся с гуззами, вероятно своим же племенем, переехали туда и нашли там источники и пастбища для своих стад. Те же самые тюрки грабили суда, разбиравшиеся о скалы полуострова. Мукадасси (или Макдиси) указывает в качестве границы области хазар со стороны Джурджана город Бинкишлах. В форме Мангышлак (Якутом огласовано Манкалшāг) название впервые появляется в документах VII / XII вв. и у Якута; согласно Якуту, это название носила крепость недалеко от моря между Хорезмом, Саксином и страной русов» [Бартольд, 1965, с. 479–480]. Современные исследователи чаще всего не останавливались специально на данной проблематике в рамках как общих работ по истории кочевых тюркских племен Дешт-и Кыпчака, так и в специальных исследованиях по истории Хорезма и Мавераннахра в домонгольский период (см., например: [Буниятов, 1986; Golden, 1992; Kafesoğlu, 1956; Kafesoğlu, 1998]). Отчасти это можно объяснить тем фактом, что наиболее ранние исторические и географические сочинения в рамках мусульманской историографии действительно приводят сравнительно мало сведений по этому поводу, как это заметно на примере приведенной выше цитаты В. В. Бартольда.

При этом нельзя обойти вниманием точку зрения исследователей, которые предполагали, что на территории Мангышлака в конце XI — начале XII в. проживали представители кыпчакского племенного союза. «Следовательно источники информируют нас о том, что в XI в. Мангышлак был населен кыпчаками, проживавшими совместно с племенами язырской группы, где им приходилось отстаивать свои земли от Сельджукидов Хорасана. Однако власть Сельджукидов над кыпчаками Мангышлака и язырами Прибалхашья была недостаточно прочной» [Ахинжанов, 1995, с. 182–183]. Аргументацию данной точки зрения стоит рассмотреть более внимательно: С. М. Ахинжанов указывает, что «в пользу такого мнения говорит карта Махмуда Кашгарского, на которой на восточном берегу Каспия отмечено поселение кыпчаков» [Ахинжанов, 1995, с. 182]. При этом не учитывается тот факт, что у того же Махмуда ал-Кашгари указано, что «Ман-Кышлак — название местности в стране гузов» [*Материалы по истории туркмен...*, 1939, с. 311]. Другим

доказательством в работе С. М. Ахинжанова служит описание похода сельджукского султана Алп-Арслана в 1065 г. на Мангышлак: «...в 1065 г. сельджукский султан Алп-Арслан из Хорезма совершил поход в Мангышлак. “Этот поход был направлен против Кифшата и Джази. Алп-Арслан осадил Кифшата, засевшего в крепости Мангышлак”» [Ахинжанов, 1995, с. 182]. Здесь стоит отметить, что данная цитата взята из существенно более позднего, особенно в сравнении с сочинением Махмуда ал-Кашгари, памятника, а именно — «Раузат ас-сафа фи Сират ал-анбийа ва-л-мулук ва-л-хулафа» Мухаммада ибн Эмир-Хонд-Шаха, или Мирхонда (ум. в 903 / 1498 г.) [*Материалы по истории туркмен...*, 1939, с. 467]. Несмотря на это, С. М. Ахинжанов пытается обосновать свою точку зрения и указанием С. Г. Агаджанова на то, что под «Кифшатом и Джази» следует понимать не имена собственные, а этнонимы «Кыпчак и Языр (Йазыр)», подкрепленным как лингвистическими, так и текстологическими доказательствами [Агаджанов, 1969, с. 246]. Последний также пишет о том, что в начале второй половины XI в. кыпчаки и йазыры становятся данниками сельджукских правителей. «Поэтому мы имеем основание думать, что в начале второй половины XI в. часть языров Прибалханья и кыпчаков Мангышлака оказались в зависимости от сельджукидов Хорасана. В таком случае поход Алп-Арслана в Прибалханье можно рассматривать как логическое завершение враждебных отношений между потомками Микаила и составлявшими часть язырского объединения кизыли и ямгури» [Агаджанов, 1969, с. 246].

Таким образом, и С. Г. Агаджанов считал, что к концу XII в. на территории Мангышлака господствовало одно из племен кыпчакского круга, о которых, с его точки зрения, сообщает Ибн ал-Асир в рассказе о походе тюрок против Хорезма в 1096 / 1097 г. «Рассказ Ибн ал-Асира свидетельствует о том, что в конце XI в. на Мангышлаке обитало племя тюрок, имевшие своего властителя. Они были настолько сильны, что пытались даже овладеть соседним Хорезмом. Очевидно, что под тюрками, населявшими в конце XI в. Мангышлак, имеются в виду племена кыпчакского объединения» [Агаджанов, 1969, с. 247]. Не совсем понятно в таком случае, как убежденность в кыпчакском присутствии в пределах Мангышлака соотносится с указанием у того же С. Г. Агаджанова со ссылкой на «Худуд ал-'Алам», что Сийах-кух был местом расселения племен гузского племенного объединения, а не кыпчакского [Агаджанов, 1969, с. 78]. Разумеется, можно предположить, что гуззов в этом регионе сменили кыпчаки в конце XI — начале XII в., однако убедительных доводов в пользу этого у С. Г. Агаджанова не приводится. Также остается загадкой, насколько соответствуют или не соответствуют друг другу топонимы «Мангышлак» и «Сийах-кух», по мнению этого исследователя: как показывают приведенные сообщения из его работ в отношении кыпчаков Мангышлака, автор при необходимости использует то один, то другой из этих топонимов без четкого объяснения.

Так или иначе, перед нами две точки зрения в отношении тюркского племени, которое господствовало в пределах Мангышлака в конце XI — начале XII в.: если В. В. Бартольд связывает его с гуззами или же считает одной из частей этого племенного союза, то более поздние исследователи видят здесь

кыпчаков. Для того, чтобы решить данное противоречие необходимо еще раз обратиться к историческим и географическим памятникам мусульманской историографии домонгольской эпохи.

Прежде всего, еще раз отметим, что в наиболее ранних текстах оба топонима, «Сийах-кух» и «Мангышлак», прочно ассоциируются именно с гуззами: прежде всего, стоит отметить уже упомянутую цитату из «Диване лугат ат-турк» [*Материалы по истории туркмен...*, 1939, с. 311]. Кроме того, автор анонимного «Худуд ал-'Алам» сообщает следующую информацию: «В Каспийском море (Дарьйā-йи Хазарāн) есть два острова. Первый из них лежит в стороне от Дербента Хазарского и называется Джазйрат ал-Ба̄б. Там производят рӯйан (марена, рӯнāс), которую продают по всему миру и используют при приготовлении красок. Другой остров называют Сийах-Кух; полчище (гурӯх) тюрок-гузов обосновалось здесь для поиска добычи (дуздӯ) на суше и на море. В море есть еще один остров, но одна из его сторон соединена с сушей у Дихистāна; его называют Дихистāнāн-Сур, и на нем проживает некоторое количество людей (андарй мардум): охотники на соколов и пеликанов (саййāдāн-и бāз ва хаввāсил), и рыбаки» [Hudud al-'Alam, 1970, p. 60, fol. 5b]. Если анонимный автор указывает, что «Сийах-кух» — это остров, на котором обитают гуззы, то ал-Истахри в «Китаб масалик ал-мамалик» не сообщает таких сведений об этом острове, хотя и связывает его с Дихистаном. «От Абаскуна до Хазар на берегу моря с правой стороны нет селений и городов (медина), кроме места приблизительно в 50 фарсах от Абаскуна, которое называется Дихистан, это гавань на море, куда скрываются корабли от бури; туда ездят многие люди из окрестных мест и живут там ради рыбной ловли; там есть вода. Я не знаю другого места, в котором живет кто-нибудь, кроме разве Сиякуха; на нем живет племя из тюрок, они недавно поселились там из-за вражды, которая возникла между гузами и ими; они удалились от них (гузов) и сделали его себе пристанищем и пастбищем; у них (там) источники и пастбища. Это то, что по правой стороне моря от Абаскуна, а налево от Абаскуна до хазар сплошь заселенные (места), кроме промежутка между Баб ал-Абвабом и хазарами» [*Материалы по истории туркмен...*, 1939, с. 169; *Bibliotheca geographorum Arabicorum*, 1927, s. 219].

Традиция ал-Истахри была продолжена в некоторых более поздних мусульманских сочинениях, и в связи с этим хотелось бы особенно выделить «Джахан-наме» Мухаммада ибн Наджиба Бакрана: этот мусульманский географ в своем труде привел несколько примеров относительно миграции кочевых тюркских племен восточного Дешт-и Кыпчака, среди которых есть один — наиболее интересный для настоящего исследования. Несмотря на то, что данный фрагмент был переведен ранее А. А. Ромаскевичем [*Материалы по истории туркмен...*, 1939, с. 349], ниже хотелось бы привести собственный вариант перевода этого фрагмента рукописи. «Мангышлак (منقشلاق). Тюркское племя. По причине раздоров, которые произошли между ними и гуззами, они покинули место своего проживания и ушли в область Сийах-кух (سياه كوه), которая находится рядом с морем Абескун (ابسکون). Там они нашли источники чистой воды и пастбища, так что там остановились жить. Их называют племенем мангышлак, а их правителя именуют ханом» [Бакран, 1960, л. 17а]. Как

видно из этого текста, более поздний автор продолжает придерживаться рассказа ал-Истахри, однако приведенные им детали играют, как представляется, важную роль. По логике Мухаммада ибн Наджиба Бакрана, «Мангышлак» — это название тюркского племени, которое находилось во вражде с гуззами, и по этой причине они вынуждены были мигрировать и уйти в область «Сийах-кух». Если верить этим сведениям, понятие «Мангышлак» в данном тексте играет роль, прежде всего, этнонима, поскольку оно стоит в ряду других названий тюркских племенных объединений, таких как «гуззы», «халаджи» и «йазыры» [Бакран, 1960, л. 17а]. При этом вряд ли стоит делать вывод о том, что именно название племенного объединения трансформировалось в топоним и таким образом вошло в состав мусульманской историографии домонгольского периода. Главным доводом в данном случае станет практически полное отсутствие упоминания племени «мангышлак» в более ранних по сравнению с «Джахан-наме» мусульманских географических и исторических сочинениях.

Другим доводом следует считать еще одно любопытное описание из текста Мухаммада ибн Наджиба Бакрана: на этот раз речь идет о племенном объединении «йазыр». «Йазыр (بزر). Тюркское племя. Оно пришло в земли Балхана и его горы. Затем к ним присоединилось племя из Мангышлака и другое племя из Хорасана, после чего они стали сильным и многочисленным племенем. Поэтому они покинули то место и пришли в Шахрастан (شهرستانه) и Фараву (فراو), а затем захватили и поселились в крепости Так (طاق). Теперь они включают в себя три племени: настоящие языры (بزر خالص), мангышлаки (منقشلاغي) и барси / фарси (بارسی/فارسی)» [Бакран, 1960, л. 17а]². Как видно из этого фрагмента маркер «Мангышлак» относится не только к племени с подобным названием, но и к одному из племенных подразделений объединения «йазыр», указывая на их прежнее место обитания.

Все это свидетельствует в пользу того, что именно топоним становится важным фактором для формирования этнонима в мусульманской историографии, в данном случае, а не наоборот. Кроме того, оба фрагмента из «Джахан-наме» свидетельствуют в пользу того, что топоним «Мангышлак» мог становиться маркером для целого региона, но при этом не вытеснил полностью более старое название — «Сийах-кух» и даже употреблялся одновременно с ним. Далее — свидетельства Мухаммада ибн Наджиба Бакрана серьезно противоречат «гуззской» и «кыпчакской» версии о населении Мангышлака, которые были приведены выше. Данный автор указывает на проживание в этом регионе «Сийах-кух / Мангышлак» собственно племени «мангышлак», враждовавшего с гуззами, и одного из подразделений племенного объединения «йазыров».

Возвращаясь к «кыпчакской» версии, высказанной С. М. Ахинжановым, необходимо отметить, что упомянутые Мирхондом «йазыры» также встречаются в тексте «Джахан-наме» применительно к Мангышлаку, однако в целом данная версия выглядит, с точки зрения автора данного исследования, наи-

² В переводе А. А. Ромаскевича этот фрагмент переведен таким образом: «собственно языры, языры мангышлакские и языры фарские» [Материалы по истории туркмен..., 1939, с. 349]. — Д. Т.

менее фундированной и наиболее спорной. Позиция В. В. Бартольда подтверждается, в свою очередь, в составе более ранних текстов, нежели «Джахан-наме»: речь все о том же «фатх-наме» султана Санджара. В нем перечисляются преступления хорезмшаха 'Ала' ад-Дина Атсыза, из-за которых сельджукский султан был вынужден начать военную кампанию против Хорезма, и среди них, в частности, указывается следующее. «Когда в пределах Мангышлака и Дженда в разное время вплоть до границ их была им пролита кровь, и народ гуззов и имевшие с ними отношения мусульмане были им (хорезмшахом 'Ала' ад-Дином Атсызом. — *Д. Т.*) в этих землях умерщвлены» [Бартольд, 1898, S. 44]. Таким образом, именно гуззы рассматриваются в качестве жителей Мангышлака и Дженда наряду с мусульманским населением этих регионов, чья этническая принадлежность остается загадкой. В любом случае перед нами свидетельство современника событий, который указывает на присутствие гуззов в Мангышлаке, что может быть веским доказательством в пользу точки зрения В. В. Бартольда даже с учетом информации из сочинения Мухаммада ибн Наджиба Бакрана.

Обобщение всех дошедших до нас свидетельств из памятников мусульманской историографии домонгольского периода и отдельных более поздних авторов позволяет сделать следующее заключение. Населявшее Мангышлак кочевое население принадлежало к двум племенным образованиям: первое из них, очевидно, можно отнести к племенному объединению «йазыров». Второе же, обозначенное автором «Джахан-наме» как «мангышлаки», нигде более в памятниках домонгольской эпохи не встречается, что не может автоматически быть свидетельством в пользу того, что перед нами фантазия Мухаммада ибн Наджиба Бакрана. Более того, уместно предположить, что перед нами пример того, как мусульманский географ на основании более ранних сведений, вероятно — ал-Истахри, формирует название племени исходя из известного ему топонима: при этом само это племенное объединение вполне могло быть частью гуззского союза, которая откололась от него и мигрировала в пределы Мангышлака. На фоне все большего использования данного топонима в географических и исторических сочинениях XII — начала XIII в. это именование вполне могло стать маркером для проживавшего в нем тюркского населения. Автор «Джахан-наме» использует его и для обозначения части «йазыров», проживавших в этих землях, и для племени, враждовавшего с гуззами и бежавшего от них, о чем сообщает и ал-Истахри. В пользу того, что эти «беглецы» были частью племенного объединения гуззов, говорит текст «фатх-наме» султана Санджара, а также постоянная связь между гуззами и «Сийах-Кухом / Мангышлаком», зафиксированная в ранних мусульманских географических и исторических сочинениях.

Не вызывает сомнения, что сам по себе топоним «Мангышлак» — тюркского происхождения, пришедший на смену более раннему персидскому варианту обозначения региона — «Сийах-кух». Однако, как показало это исследование, строгой традиции употребления первого из них в мусульманских памятниках домонгольской эпохи так и не сложилось: он мог в отдельных сочинениях обозначать и область, и отдельную крепость, а в некоторых текстах одновременно употреблялись сразу оба понятия. Скорее всего, в пре-

делах полуострова существовала крепость, которая и была разрушена в ходе завоевания этого региона хорезмшахом 'Ала' ад-Дином Атсызом, ее название вполне могло совпадать с обозначением региона, либо мусульманские географы и историки просто не знали ее реального названия и маркировали тем же тюркским названием, которым называли и весь полуостров. Та же логика могла присутствовать и в случае с племенем «мангышлак», получившим свое название исходя из места проживания: называть их в честь «Сийах-Куха» не было никакого смысла при наличии уже известного тюркского варианта этого топонима (см. также: [Атаниязов, 1988, с. 85]). При этом можно предположить, что само по себе выражение «Мангышлак» в качестве топонима пришло в этот регион благодаря миграции кочевников. Их племенная принадлежность, как уже отмечалось выше, была неодинаковой: помимо «йазыров» сюда мигрировали и представители гузского племенного объединения по причине, как отмечает ал-Истахри, разгоревшейся вражды. Только это противостояние, ставшее причиной миграции, как представляется, было не межплеменным, а внутриплеменным. Данное предположение вполне согласуется с тем, что пишет о топониме «Мангышлак» Махмуд ал-Кашгари, — это «название местности в стране гузов» [*Материалы по истории туркмен...*, 1939, с. 311]. Так что часть данного племенного союза, отколовшись, принесла его в новый для себя регион проживания. Определенные сложности с интерпретацией нового понятия испытывали уже мусульманские авторы домонгольской эпохи, что и приводило в отдельных случаях к трансформации топонима в этноним, одновременного использования «старого» и «нового» топонима, разной смысловой наполненности последнего. Автор надеется, что проведенное исследование сумело отчасти решить данные противоречия, которые неизбежно возникают при анализе сообщений мусульманских историков и географов о кочевых тюркских племенах восточного Дешт-и Кыпчака.

Список литературы / References

1. Агаджанов С. Г. *Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв.* Ашхабад: Ылым, 1969 [Agadzhanov S. G. *Essays on the history of the Oghuz and the Turkmens of Central Asia IX–XIII centuries.* Ashkhabad: Ylym, 1969 (in Russian)].
2. Ибн ал-Асир. «Ал-Камил фи-т-тарих» «Полный свод по истории». *Избранные отрывки.* Пер. П. Г. Булгакова, Ш. С. Камолитдина. Ташкент: Узбекистан, 2006 [Ibn al-Athir. "Al-Kamil fi-t-Tarikh" "Liber Continens: History of history". *Selections.* Transl. by P. G. Bulgakov, Sh. S. Kamoliddin. Tashkent: Uzbekistan, 2006 (in Russian)].
3. Атаниязов С. *Словарь тюркских этнонимов.* Под ред. П. Азимова, М. Аннанепесова. Ашхабад: Ылым, 1988 [Ataniyazov S. *Dictionary of Turkic ethnonyms.* Ed. by P. Asimov, M. Annanepesov. Ashgabat: Ylym, 1988 (in Russian)].
4. Ахинжанов С. М. *Кипчаки в истории средневекового Казахстана.* Алма-ата: Ылым, 1995 [Akhinzhanov S. M. *Qipchaks and their place in the history of medieval Kazakhstan.* Alma-Ata: Gylym, 1995 (in Russian)].

5. Мухаммад ибн Наджиб Бакран. *Джахан-наме («Книга о мире»)*. Издание текста, введение и указатели Ю.Е. Борщевского. М.: ГРВЛ, 1960 [Muhammad ibn Najib Bakran. *Jahan-nameh ("The World")*. Ed., introd. and indexes of Yu. E. Borshchevsky. Moscow: Nauka; GRVL, 1960 (in Persian)].
6. Бартольд В. В. Мангышлак. В: Бартольд В. В. *Сочинения*. Т. 3: *Работы по исторической географии*. М.: Наука; ГРВЛ, 1965. С. 479–480 [Bartol'd V. V. Mangyshlak. In: Bartold V. V. *Collected Works*. Vol. 3: *Historical geography*. Moscow: Nauka; GRVL, 1965, pp. 479–480 (in Russian)].
7. Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. В: Бартольд В. В. *Сочинения*. Т. 1: *Туркестан в эпоху монгольского нашествия*. М.: Наука, 1963. [Bartol'd V. V. Turkestan during the Mongol invasion. In: Bartol'd V. V. *Works*. Vol. 1: *Turkestan during the Mongol invasion*. Moscow: Nauka, 1963 (in Russian)].
8. Бартольд В. В. *Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Часть первая. Тексты*. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1898 [Bartol'd V. V. *Turkestan during the Mongol invasion. Part one. Texts*. SPb.: Publishers of the Russian Imperial Academy of Sciences, 1898 (in Arabic and Persian)].
9. Буниятов З. М. *Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов 1097–1231 гг.* М.: Наука, 1986 [Buniyatov Z. M. *The Khorezm state of Anushteginids 1097–1231*. Moscow: Nauka, 1986 (in Russian)].
10. *Материалы по истории туркмен и Туркмении*. Т. I. М. — Л.: Изд. АН СССР, 1939 [Materials on the history of Turkmenistan and Turkmenistan. Vol. I. Moscow — Leningrad: Soviet Academy Publishers, 1939. (in Russian)].
11. Тимохин Д. М. Мусульманские источники о связях Хорезма, Дешт-и Кыпчака и Поволжья в XII в. *Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность*, 2022. № 4. С. 114–124 [Timokhin D. M. Muslim sources on the connections of Khorezm, Desht-i Kipchak and the Volga region in the 12th century. *Vostok (Oriens). Afro-Asian Societies: History and modernity*. 2022. No. 4, pp. 114–124 (in Russian)].
12. Тимохин Д. М. О роли городов во взаимодействии Хорезма и кочевых племен Дешт-и Кыпчака в конце XI–XII веков на примере Дженда. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2019. № 9(3). С. 134–142 [Timokhin D. M. On the role of cities in the interaction of Khorezm and the nomadic tribes of Desht-i Kipchak at the end of the 11th–12th centuries. *Jand. Bulletin of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences*. M., 2019. No. 3(9), pp. 134–142 (in Russian)].
13. *Bibliotheca geographorum Arabicorum*. Vol. I: *Viae Regnorum. Descriptio dittonis moslemicae auctore Abu Ishák al-Fárisi al-Istakhri*. Ed. M. J. de Goeje. Leiden: Brill, 1927 (in Arabic).
14. *Bibliotheca geographorum Arabicorum*. Vol. VII: *Kitáb Al-A'Lâk An-Nafisa VII auctore Abû Alî Ahmed ibn Omar Ibn Rosteh et Kitáb Al-Boldân auctore Ahmed ibn Jakûb ibn Wadhîh al-Kâtib Al-Jakâbi*. Ed. M. J. de Goeje. Leiden: Brill, 1870 (in Arabic).
15. *Collections scientifiques de l'Institut des Langues Orientales du Ministère des Affaires Etrangères*. Vol. III: *Les manuscrits persans de l'Institut des langues*

- orientales*. Décrits par le Baron Victor Rosen. Saint-Pétersbourg: Impr. de l'Académie impériale des sciences, 1886.
16. Golden P. B. *An introduction to the history of the Turkic peoples: Ethnogenesis and state-formation in medieval and early modern Eurasia and the Middle East*. Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1992.
 17. *Hudud al-'Alam, The Regions of the World. A Persian Geography, 372 A. H. — 982 A. D.* Transl. and explained by V. Minorsky. London: E. J. W. Gibb Memorial, 1970.
 18. *Ibn-el-Athiri Chronicon quod perfectissimum inscribitur*. Vol. 10. Annos H. 451–527. Ed. by C. J. Tornberg. Leiden and Uppsala: E. J. Brill, 1864 (in Arabic).
 19. Kafesoğlu I. *Harezşahlar devleti tarihi (485–617/1092–1229)*. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basimevi, 1956 (in Turkish).
 20. Kafesoğlu İ. *Türk Millî Kültürü*. İstanbul: Otuken, 1998 (in Turkish).
 21. *Ṭabakāt-i-Nāşirī. A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia, Including Hindustan; from A. H. 194 (810 A.D.) to A. H. 658 (1260 A. D.) and the Irruption of the Infidel Mughals into Islam / by Minhāj-ud-dīn, Abū-'Umar-i-'Usmān; transl. from original Persian manuscripts by H. G. Raverty*. London: Gilbert & Rivington, 1881. Vol. I–II.

Информация об авторе

Тимохин Дмитрий Михайлович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия; horezm83@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9093-5269>.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 07.02.2024; одобрена рецензентами 02.03.2024; принята к публикации 05.03.2024; опубликована 20.03.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Dmitry M. Timokhin — PhD (History), senior researcher Fellow, Institute of Oriental studies of the RAS, Moscow, Russia; horezm83@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9093-5269>.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 07.02.2024; approved after reviewing 02.03.2024; accepted for publication 05.03.2024; published 20.03.2024.

The author has read and approved the final manuscript.